

ПОСЛЕ СОЛЖЕНИЦЫНА

Постскрипtum 2008 года к книге "Необходимый разговор с Солженицыным"*

Когда я решил написать данную статью, тематически связанную с моей книгой, я намеревался сделать её дополнением к книге и поместить, как и положено в таких случаях, в конце книги. Но статья эта связана с книгой только частично. А частью совсем не связана, а если связана, то, скорее, с моей другой статьёй, "Солженицын и дело Бейлиса". Кроме того, книга кончается эпилогом, причём таким, который ставит на книге окончательную точку. Да и продолжать вести разговор, хоть и номинально, с человеком, которого уже нет в живых, не годится даже в качестве литературного жанра. Поэтому я прибеж к компромиссу: выделил написанное в отдельный материал, но подзаголовком связал его с книгой.

*

*

*

Поскольку последние годы я практически не заглядывал в русскоязычные источники информации, я мало что знал о происходящем в России, в том числе и о том, жив ли Солженицын или нет. И весть о его смерти тоже пришла ко мне не из этих источников, а из английских. Итак, закончилась большая жизнь большого человека – пора подведения итогов. Но если со смертью человека итог его жизни ещё можно подвести, то итог его творчества, особенно, как в данном случае, такого объёмного, многопланового и противоречивого, подводить рискованно. Но давать оценки – можно и нужно.

Не знаю, как сам Солженицын, его жизнь и творчество расцениваются сейчас у него на родине и, самое главное, смогли ли они хоть в какой-то степени изменить, как он хотел, жизнь страны. Тем более не возьмусь предсказывать, как к ним отнесутся будущие поколения россиян. Но мне кажется, что независимо от отношения и оценок, касающихся человека и творчества, беспримерная по событиям, интенсивности и влиянию жизнь Солженицына должна уже сейчас, при поколении его современников, стать объектом серьёзного изучения и даже обучения. Не просто в качестве чего-то уникального, чем жизнь Солженицына без сомненья была, а как человеческий, общественный и исторический феномен, познание которого поможет нам лучше понять не только его, себя самих и наше время, но и "что есть человек" и как он живёт – как ему жить – в отведённую ему судьбою эпоху. Этому, собственно, посвящены лучшие произведения мировой – и конечно же русской – литературы, но в данном случае сама жизнь становится нашим учителем.

Указывая на уникальность Солженицынского феномена, я вовсе не возвожу его тем самым на пьедестал. Я просто констатирую факт, который должен признать каждый объективный человек, даже если его личное отношение к Солженицыну является столь же отрицательным, как и моё. Не собираюсь я также ни подводить каких-либо итогов или выносить "окончательных" оценок, ни выступать с какими-то новыми "откровениями". Я сказал ему и о нём всё, что имел сказать. А вернули меня к теме "Солженицын" два недавних эпизода, о которых и пойдёт речь ниже.

Эпизод первый – еврейский

Так получилось – случай, впрочем, в человеческой жизни довольно заурядный, – что несмотря на прежнюю, советских времён, близость с одним человеком, в эмиграции пути наши разошлись – и не только географически (он поселился в Израиле, а я в Англии). Но этим летом, годков эдак тридцать пять спустя, судьба снова свела нас, но не лично, лицом к лицу, а посредством информационной технологии. И в первом же нашем телефонном разговоре была вдруг затронута солженицынская тема, и мой собеседник поведал мне, что является, вероятно, единственным человеком в мире, кроме жены Солженицына, который прочитал все его произведения; он дал им очень

высокую оценку и выразил уверенность, что будущая Россия будет изучать по ним своё прошлое. Он также сказал, что еврейская тема отображена Солженицыным правдиво и объективно, а евреям пора честно признать свои малопочтенные участие и роль в позорных событиях русско-советского прошлого. А уже в письме, после нашего телефонного разговора, написал мне, в частности, следующее:

"Это правильно, но это неправда!" – оцениваешь ты книгу покойного Солженицына об истории евреев в России. Тонкая мысль этого замечательного афоризма мне, конечно, известна, но к "антисемитизму" Солженицына она, по моему, не имеет отношения. Весь необъятный водопад обвинений Солженицына в антисемитизме (за то, например, что назвал по именам и фамилиям начальников Соловецких лагерей) и всю сущность нашего при этом еврейского негодование я выразил бы фразой противоположной: "Это правда, но это неправильно!!!"

А вот фрагменты из моего ответного письма:

Тему "Солженицын" в нашем разговоре затронул ты сам, в связи с его смертью. Он настолько у меня не в голове, что я и помыслить не мог заговорить о нём ни с того, ни с сего с кем бы то ни было, особенно с тобой – после такого многолетнего перерыва в нашем общении. Но когда ты заговорил о нём, я почувствовал, что для тебя это имеет какое-то значение, и продолжил тему, поскольку теперь она мне уже была интересна – в связи не с ним, а с тобой, как возможность узнать что-то о тебе сегодняшнем. Сама тема перестала быть "болезненной" для меня два-три десятилетия назад, но я ни до этого, ни после не бежал её. В связи с ней мы обменялись выражениями о "правде" – твоё инверсия моего, но об этом ниже. При этом должен сказать тебе, что само понятие "правды" трудноприложимо к С-ну, ибо он был лгуном и фальсификатором – и как человек, и как писатель, и как историк.

Ты, как я понял, увидел в нём и в его произведениях нечто совсем другое – очень хорошо. А если при этом увиденное тобой ещё и обогатило тебя – вообще замечательно (сказал же Гёте: "Не в том дело, понравилась мне эта книга или нет, а в том – сделала ли она меня лучшим человеком"). Здесь только одна брошенная тобой в нашем разговоре фраза удивила меня: "Ты сводишь с С-ным счёты". Никогда никто, даже самые его горячие поклонники, не говорил мне ничего подобного. Но не в том дело. Фраза, прости меня, какая-то уличная и не очень, мне кажется, соответствует уровню нашего разговора, да и вообще нашим с тобой жизненным позициям. Не знаю даже, из каких источников ты почерпнул основание для своего такого странного вывода. Но если ты где-то когда-то увидел или услышал в моих словах о С-не какую-то неправду, предвзятость, несправедливость или вообще что-то неприемлемое или недостойное, укажи мне на это. Я отнесусь к твоим замечаниям со всей серьёзностью и вниманием и, если захочешь, отвечу тебе, – без раздражения и обиды.

А теперь – о самом главном. Своим выражением "Это правда, но это неправильно" ты характеризуешь отношение некоторых евреев к тому факту, что С-н предал гласности фамилии евреев, творивших в СССР/России неблаговидные дела. Я впервые стал свидетелем такого отношения ещё в 60-е годы. С-н вывел в своей пьесе какого-то отрицательного еврея и уверял Теуша, что описал реальное лицо и его реальные поступки. Теуш в самом факте, конечно, не сомневался, сам мог привести десятки подобных, но спрашивал С-на, как он почувствует себя, когда некие зрители будут в этом месте его пьесы довольно потирать руки – мол, мы всегда знали, что это за народ, а теперь сам С-н подтвердил... Другими словами, Теуш спрашивал С-на, хочет ли он своей "правдой" подлить масла в огонь массового, неприкрытого и

безнаказанного антисемитизма (Теуш наивно полагал, что С-на это могло волновать).*

Точно так же Теуш говорил мне, что своим желанием говорить на допросах "правду" я могу посадить людей в тюрьму. В обоих случаях речь у него шла о "правильности правды", – об извечной дилемме, которую, в конечном счёте, каждый человек разрешает в каждой конкретной ситуации по-своему, ибо здесь нет ни общих правил, ни однозначных или "правильных", на все случаи жизни, решений.

Но моё выражение о правде не имеет к вышесказанному никакого отношения, вот почему я и поставил сейчас это слово в кавычки. Тебе это станет более понятным, если я изменю твою транскрипцию своего выражения – "Это правильно, но это неправда" на свою – "Это правильно, но это не правда" (вот тебе разница между устной и письменной речью!). Я употребляю здесь слово "правда" не в смысле "факты", синонимом чего у меня является слово "правильно" (а теперь ещё говорят – "корректно"), а в более глубоком смысле, который-то и стоит, – но его надо захотеть и смочь увидеть, – за фактами, поступками, событиями.

Так вот, говоря конкретно, какая же правда стоит за неоспоримым фактом массового и активного участия евреев в строительстве советской власти, включая ГУЛАГ и пр.? Об этом и следовало бы спросить охотников за еврейскими именами – и в первую голову С-на,: "Что вы хотите сказать этим фактом участия евреев? Есть ли какое-либо отличие между участием русского и еврея в этих делах и событиях? Если нет, то зачем об этом говорить, зачем выделять евреев? А если отличие есть – то какое именно? Что именно делает это участие евреев специфически еврейским и таким, которое потребовало специального выделения?"

Я дам на это свой ответ – субъективный, оставляя тем самым место для множества, если оно есть, других ответов, как еврейских, так и нееврейских. Он очень простой: активное участие евреев в русско-советских делах объясняется точно теми же причинами (помимо общественно-исторических), в силу которых они были активны всегда, везде и во всём – в той мере, в какой это им было позволено. Что касается личных человеческих качеств, то евреи, как и другие народы, обладают их полным набором – от самых возвышенных до, увы, самых низменных.

Но у антисемитов, охотников за еврейскими именами, причём исключительно в самых мутных водах прошлого и с намеренным игнорированием общественно-исторического контекста, – у них "правда" иная. Они далеко не всегда говорят о ней вслух, но высказанная или подразумеваемая, она состоит в том, что евреи сами по себе, от природы, порочны, поэтому и творят свои чёрные дела или оказываются их участниками, являясь тем самым основными виновниками российских, в данном случае, страданий и бед. Здесь ущербная и примитивная психология замешана на биологическом, этническом, расистском антисемитизме, и именно это скармливал нам С-н. А мы, евреи, это едим, да при том дебатлируем между собой свои вкусовые ощущения. Этим мы не только ставим себя на одну доску

* Этот эпизод упоминает и Солженицын в своей книге о евреях, но как превратно он его передаёт и толкует! Вышеприведённые замечания Теуша он превратил в абсурдные ультиматум и угрозы: мол, не переделаешь это место пьесы – конец нашей дружбе и забирай хранящиеся у меня свои рукописи. Не только людям, знавшим Теуша лично, но, мне кажется, даже читателям, прочитавшим о нём в моей книге, трудно представить его таким примитивным диктатором, в которого он вдруг превратился из "верного друга-еврея", как его тут же называет сам Солженицын. А о приводимом им и никогда мною не слышанном "возражении" Теуша о невозможности осторожных и трусливых евреев вести себя нагло, мне вообще было смешно читать. Теуш не только с издёвкой говорил о еврейской заносчивости ("И откуда она только у них берётся – в России?!"), но даже очень забавно изображал её.

с антисемитами, но легитимируем их антисемитизм, раскавычиваем их "правду". Меня удивляет и огорчает такая непростительная слепота.

Что же касается антисемитов, я бы мог сказать о них словами Голды: "Вот если бы они любили свою страну и народ больше, чем они ненавидят евреев!"* Тогда бы их интересовала только одна правда, без кавычек, – о своём народе, о себе, и им бы было просто не до евреев. Приведу литературный пример именно такого, искреннего и серьёзного, отношения к происходящему в собственной стране. Это Булгаков – "Мастер и Маргарита". Среди многочисленных советских персонажей его сатиры-трагедии нет ни одного еврея, хотя в реальной жизни эти типы были процентов, может, на 80 евреями. Но какое Булгакову до этого дело, когда он хочет понять, что происходит с его русской страной, культурой и народом? Введение евреев в ткань романа было бы "правильным" с точки зрения фактов, но не было бы, с точки зрения автора, правдой, ибо исказило бы и замазало истинную картину того, что на самом деле происходило в его стране с его народом.

PS А сейчас я хочу рассказать тебе маленькую историю, которая произошла после написания тебе этого письма. Ты обычно видишь в таких событиях глубокий смысл (твое "четвёртое измерение"), может, ты найдёшь его и в этом. Письмо это я закончил вчера вечером, но отправить не мог, т.к. интернет у меня по будним дням не работает в вечерние часы. С тем и пошёл спать. Но сон мой часто прерывается ночными бдениями, во время которых я думаю, или слушаю радио, или читаю. Так было и этой ночью. Обычно в это время я читаю что-нибудь лёгкое, чтобы поскорее снова заснуть, но на этот раз моим ночным чтением было "Слово о полку" Жаботинского (не помню, как и когда, много лет назад, ко мне попала эта книга, до которой я добрался почему-то только сейчас). Но тут я должен сделать маленькое отступление. Помнишь ли ты, как и когда мы познакомились? Это было на проводах Юлиуса Телесина у Улановских – масса народа, все видные "демократы" и "сионисты", мы ещё говорили: арестуй сейчас ГБ всех собравшихся, в стране станет тихо на многие годы.** Там ты, услышав моё имя, подошёл ко мне, как подходили и другие, – в связи с моим открытым письмом группе "государственных" ("дрессированных") евреев (см. мою книгу или статью "Из России в Израиль" – И.З.). Ты тряс мне руку, говорил всякие похвальные слова и даже назвал "нашим Жаботинским", о чём я вспомнил именно этой ночью. Возвращаясь к своему рассказу. Я зачитался. Надо было кончать, потому что предстоял нелёгкий день с поездкой в Лондон и пр. Но оставалось лишь "Заключение", всего несколько страниц, и я решил дочитать. Вот что я прочитал там – привожу соответствующую выдержку слово в слово: "Правду ли я написал? Да. Всю ли правду? Нет, и нарочно нет. Не всякий "факт" есть "правда" в основном значении слова. Каждое крупное явление имеет своё "лицо": что подходит к общему характеру этого лица, то правда; что не подходит, то случайность, царापина, волдырь. Может быть, в учёных сочинениях важно записать и это; там, может быть, уместно отметить, что во время штурма Бастилии поймали на площади вора, который тут же таскал кошельки. Это, говорят, факт, – но разве это "правда" о 14-м июля?"

* Израильский премьер-министр Голда Меир сказала однажды: "Мир между нами и арабами наступит тогда, когда они станут любить своих детей больше, чем ненавидят нас"

** Среди инакомыслящих, выступавших открыто со своими требованиями и протестами и ставших впоследствии называться диссидентами, были те, кто боролся за демократические преобразования в стране ("демократы"), и те, кто боролся за выезд в Израиль ("сионисты"). Юлиус Телесин, он же "Принц Самиздатский" (почётный и опасный по тем временам титул), был видным "демократом", но также и "сионистом". Разрешение на выезд получил, одним из первых в Москве, совершенно неожиданно для себя и своего диссидентского окружения – этим власти избавлялись от одного из самых активных "возмутителей спокойствия". Об Улановских см.: Надежда Улановская, Майя Улановская – "История одной семьи" (ИНАПРЕСС, СПб., 2003).

Вот что мне хотелось сказать не только своему корреспонденту, а всем евреям вообще – в Израиле, в России или ещё где в диаспоре: не попадайтесь на антисемитскую удочку, не ешьте скармливаемую нам антисемитами падаля! Мы без сомнений должны знать правду о себе – и она ох какая горькая! И никто не высказывал нам её с большей силой и беспощадностью, чем самые лучшие из нас, чем наши пророки, чем наш Бялик!

Но это не значит, что другие, не евреи или даже наши враги-антисемиты, не способны сказать о нас правду или что мы должны априори, не читая и не выслушивая, отвергать всё, что исходит от них. Нет, мы должны выслушивать всех, независимо от намерений говорившего, чтобы, во-первых, знать, что о нас думают другие, а, во-вторых, чтобы отыскивать там правду о себе, если она есть – но не для того, чтобы мусолить и обсуждать содержимое грязных помоев, выливаемых на наши головы. Именно от антисемитов, прежде всего, я сам надеялся получить ответ на извечный вопрос "Почему нас не любят?". Хотя в большинстве случаев узнаваемая мной правда была о них, а не о нас, но это тоже было полезным. Но, главное, мой такой поиск ответа показал мне всю глубину и сложность проблемы антисемитизма, её поистине экзистенциальный характер. Приведу два, совершенно различных, случая, способствовавших моему такому осознанию – они доступны опыту любого читателя.

Адольф Эйхман – один из тех, у кого я хотел дознаться, читая его тайные, ещё до поимки, интервью, чем же евреи заслужили такую участь, которую он им уготовил. Он был для меня как бы собирательной фигурой тех, кто даже не чувствуя личной ненависти или неприязни к евреям, видят в них мировое зло, чуму рода человеческого, спастись от которой возможно лишь путём её тотального уничтожения. Здесь мы имеем дело с чем-то надличным, надчеловеческим даже, что не решается и не изживается, как все человеческие дела и проблемы, в процессе человеческих отношений, людьми между собой, на человеческом уровне. Такие решения – не быть целому народу – принимаются только на Небесах – Богом или Дьяволом. Человеческий разум перед таким решением бессилён, у него нет против него доводов, есть только выбор – подчиниться или не подчиниться.

Второй случай – рассказ Бабеля "История моей голубятни": увиденные глазами ребёнка и пережитые, а двадцать лет спустя воссозданные мастером слова, разрозненные эпизоды еврейского погрома в 1905 году. Какая здесь потрясающая правда – о русском народе, прежде всего, о его лучших и худших проявлениях на том историческом стыке, который так и остался непонятым писателем-историком, окрестившим его неуместным "вместе". Эта правда, без суждений и осуждений, как и подобает настоящему художнику, показана через слова и поступки самих русских людей. Их тут целая галерея. Молодой учитель русского языка, не делающий различия между еврейскими и нееврейскими учениками, а если и делающий, то в пользу первых. Его пожилой и маститый коллега, не жалующий евреев, но на вступительных экзаменах в гимназию, оказавшийся под властью не своих предубеждений или предписаний процентной нормы, а ответа десятилетнего мальчика; поражённый и восхищённый, он говорит своему коллеге: "Какая нация – жидки ваши, в них дьявол сидит". А потом обращается к мальчику: "Дружок мой, передай отцу, что ты принят в первый класс".

Мальчик узнаёт о погроме, не осознавая сначала ни смысла событий, ни их трагичных последствий непосредственно для его семьи, на рынке, где покупал голубей. Какой-то прохожий, глаза которого горели оживлением, проходя лёгкой походкой мимо голубятника, бросает ему на ходу: "...в городе иерусалимские дворяне конституцию получают. На Рыбной бабелевкого деда насмерть угостили". Мальчик не понимает этих метафор, хотя и запоминает их, но зато голубятник понимает очень хорошо и говорит вслед уходящему, строго и осуждающе: "Напрасно".

Вернувшись домой, мальчик застаёт на пустом дворе лишь старика-дворника, убирающего тело его деда, зверски убитого погромщиками. Сторож рассказывает

мальчику, как его дед вышел на толпу один на один, "...весь народ из матери в мать погнался, изматерил дочиста, такой славный..." Закончив убирать покойника, сторож заканчивает и рассказ о гибели деда. "Всех изматерил, – сказал он, улыбаясь, и оглянул труп с любовью, – кабы ему татары попались, он татар погнался бы, но тут русские подошли, и женщины с ними, кацапки; кацапам людей прощать обидно, я кацапов знаю..."

"Прощать обидно" – какое необычное словосочетание и какой необыкновенный взгляд в душу собственного народа! Но это не наше, еврейское, дело – копаться в русской душе, это дело русских, а нам, дай Бог, со своей разобраться. Когда русская душа открывается нам злом, мы страдаем и скорбим, когда добром – радуемся и благодарим. И это нашло своё отражение в рассказе – остальные члены семьи Бабеля были спасены их соседями, семьёй податного инспектора, давшей им приют в своём доме. (И семья моей бабушки, во время того же погрома, тоже была спасена их русскими соседями, спрятавшими их в своём доме. А укrywший других моих родных в своём доме русский рабочий вышел к громилам, потребовавшим их выдачи, с ружьём: "Только через мой труп!")

Кроме искалеченного деда, мальчик не видел зверств погрома, а запечатлел лишь его "мирную" сторону: того же прохожего, сообщающего о начавшемся погроме как о приехавшей в город ярмарке; молодого мужика, весело, самозабвенно и совершенно бессмысленно разбивающего молотком оконную раму в доме еврея; громил, грабящих лавку отца мальчика на глазах казачьего разезда и их офицера, безучастного к мольбам отца остановить грабёж (из смежного рассказа); женщину, бегущую с охапкой награбленных вещей, упоённую добычей и созывающую своих детей, которых потеряла в ажиотаже грабежа; крестьянского парня, несущегося на телеге в лихорадочном поиске дармовой добычи: "Куда люди побегли?"; другую женщину, деловито разбирающую и считающую валяющиеся на земле вещи; и, наконец, её безногого мужа, безмерно и неподдельно страдающего оттого, что инвалидность мешает ему принять участие в коллективном безнаказанном грабеже, и ему приходится довольствоваться лишь тем, что удалось добыть его нерасторопной жене. Его страдания так велики, что он сравнивает себя с Христом, пострадавшим за всё человечество: "...видно, меня Бог сыскал, что я за всех ответить должен ... я вам, што ль, Сын Человеческий...": а когда в торбе у оказавшегося тут маленького Бабеля обнаружил не вещи, а голубей, это стало венцом его страданий – и он разможил голубей о лицо мальчика.

Но то, ради чего я привожу этот рассказ, связано не с этим, не с физическими или моральными страданиями, не с погромом даже, не с поступками людей, а со словами и стоящими за ними чувствами. Они принадлежат жене инвалида, которая, отвлекшись от вещей, чтобы посмотреть на упавшего от удара мужа мальчика, говорит: "Семя ихнее разорить надо, семя ихнее я не могу навидеть и мужиков их вонючих..."

Что потрясло меня здесь – глубина, искренность, беспредельность ненависти. У Эйхмана не было такой, хотя он и явился прямым исполнителем возвращённых ею чаяний. В отличие от Эйхмана, эта женщина знала евреев "по личному опыту", жила среди них, каждодневно общалась, но её обобщённая ненависть никак не могла быть результатом её личного опыта, каким бы негативным он ни был в отношении конкретных индивидуумов. Если простая русская баба "не может навидеть" еврейских "мужиков вонючих", то конечно же не по гигиеническим причинам. "Вонючий" здесь такая же собирательная и безличная метафора, как и объект её ненависти – "семя".

Я знаю эту ненависть, я видел её, направленную по адресу совершенно незнакомого человека еврейской наружности. Слова, которыми она выражалась, не говорились и не кричались, а как бы выдавливались из самого нутра, выталкиваемые эмоциями такого накала, которые, казалось, вот-вот вызовут удушье, конвульсии, припадок. А вот ещё одно – бессловесное на этот раз – проявление той же ненависти, засвидетельствованное в другое время, в другой стране и в другой, увы, более трагической, ситуации. Нацисты ведут колонну евреев,

среди которых, как обычно, женщины, старики, дети. Двое конвоиров, с приятными лицами, о чём-то беседуют между собой. Но вот они поворачиваются к колонне, и выражение их лиц, сами лица вмиг преображаются – меняются до неузнаваемости, перестают быть человеческими. Какой же силы и глубины должна быть ненависть, чтобы один вид этих безымянных, обречённых на скорую смерть людей способен был вызвать подобную метаморфозу!

Но в чём же или в ком находятся истоки такой ненависти, которую мне никогда не приходилось видеть направленной против кого-нибудь ещё, кроме евреев? Они не могут находиться в вызывающем её объекте – в евреях, прежде всего потому, что, как и любые другие чувства, ненависть живёт в субъекте, а не в объекте. Да и объектов таких нет, заслуживающих подобную ненависть. В ней, в питаемом ею антисемитизме, есть что-то иррациональное, метафизическое, не от мира сего, они живут как бы сами по себе, помимо евреев. Иногда мне кажется, что и помимо её субъектов – антисемитов. Действительно, как человек может вместить в себя столько ненависти – безрассудной, безличной, бездонной?

Вот такую правду об антисемитизме мне и хотелось узнать и понять. Но как еврей я должен был при этом понять, как евреи к этой правде прикреплены, какова их связь с ней, каково их в ней "долевое участие" (помимо их *доли*, которая мне была известна и по личному опыту). Для этого правда эта должна быть конкретной, в моём случае, русского еврея, – русско-еврейской. И чтобы она была полной, поиск её должен вестись – и я был уверен, что ведётся, – с обеих сторон. Русская сторона мне была особенно интересна. Там я нашёл великого русского – человека и мудреца – Владимира Соловьёва. Он уделял особое внимание теме антисемитизма и еврейского народа, о котором написал следующее: "Проходя через всю историю человечества, с самого её начала и до наших дней (чего нельзя сказать ни об одной другой нации), еврейство представляет собой как бы ось всемирной истории".

Как же эта ось зацепила русский народ, что она делала в России, узнали ли свои собственные и друг друга земные миссии, нашли ли общую эти два великих народа, один из которых называют *избранный*, а другой *богоносец*? За этими возвышенными словами и высокими задачами стоит конкретная реальность, которая требует своего признания, познания и воплощения в конкретные дела, слова и мысли. Так что же на самом деле происходило, в свете вышесказанного, на историческом randevу этих народов? Вот такого рода вопросы и, возможно, ответы на них мы вправе ожидать от мудрых и беспристрастных исследователей судеб этих народов.

Солженицын не был таким исследователем, и то, что он по русско-еврейскому вопросу собрал "вместе", и претендовать не может хоть на малейшую степень глубины такого исследования. Но предъявлять ему претензий за это нельзя – он и не ставил себе задачи выхода за рамки, как он определил, "историко-бытийного" рассмотрения, и не был способен на такой выход. Претензии ему можно и нужно предъявлять за то, что он превратил своё рассмотрение если и не в "сведение счетов", то в их предъявление или, в лучшем случае, в "выяснение отношений".

(Здесь я хочу сделать маленькое отступление. Две основные темы своего творчества, два основных труда своей жизни, посвящённые русской революции и ГУЛАГу, Солженицын осваивал "опытом художественного исследования", а не "историко-бытийным" методом. Не только потому, я думаю, что чувствовал себя уютнее писателем, чем историком. Он знал силу и возможности художественного слова, его способного отразить реальность полнее и глубже, чем сухие факты и цифры. И если такой подход к русско-еврейской теме был ему самому заказан, то может для собственного понимания её он обращался к тем, кто коснулся её своим творчеством, – к тому же Бабелю, например? С этой мыслью я открыл именной указатель "Двухсот лет" и действительно нашёл там Бабеля. И что же Солженицын почерпнул у этого мастера слова? Нет, Бабель-писатель и еврейская тема его творчества не интересовали Солженицына. Бабель понадобился ему лишь для того, чтобы поведать читателю о пустяшном, притяннутом за уши – притом без всякого контекста, позволяющего читателю судить о происходящем, – эпизоде: в 1928 году в

Париже какой-то литератор-эмигрант "с презрением отвернулся" (как будто Солженицын присутствовал при этом!) от протянутой руки Бабеля. Но этого ему было мало – ему почему-то захотелось ещё и лягнуть самого Бабеля, что он делает с помощью снисходительной иронии ("уже тогда прославленный Бабель"), полунамёка-полуобвинения ("и уже сильно прохвастанный своей близостью к ЧК") и сарказма ("для художественного настроения "временно проживал" в Париже"). Каждый, мало-мальски знакомый с биографией Бабеля, знает, что в Париже жили в то время его жена и дочь, и что как ни любил он этот город, ему в нём не работалось – работалось только дома, в России. Не очередная фальсификация и неправда поражает здесь, а отношение к своему собрату по перу и по ГУЛАГу, к несчастной его жертве, которой торжественно и громогласно посвятил Солженицын свой "Архипелаг": "Посвящаю всем, кому не хватило жизни об этом рассказать".)

В своей статье "Солженицын и дело Бейлиса" я уже писал о пагубности его подхода к теме, да и самой книги. Но тогда мне казалось, что основной вред – не внешний, а внутренний, – эта книга может принести русскому читателю, русскому народу, России. Её, несмотря на различные проеврейские цитаты и экивоки, антиеврейский дух и настрой не казались мне опасными для еврейской души, в которой уже давно выработался стойкий иммунитет к таким вещам. "Историко-бытийное" выуживание и подсчёт еврейских имён в качестве доказательства "вины" еврейского народа перед русским настолько отдавало дурным вкусом, призывы к евреям признать эту "вину" и покаяться были настолько нелепы, ссылки на такие признания в прошлом настолько неисторичны, а приведение в пример послевоенных немцев с их признанием вины и материальной компенсацией евреям настолько граничило с маразмом, что и представить было невозможно, чтобы они могли быть серьёзно восприняты евреями.

Но я оказался не прав. Помимо вполне правомерной и необходимой критики книги с исторической и моральной точек зрения, некоторые евреи оказались втянутыми ею – неважно, в каком качестве, – в обсуждение антисемитского обвинения евреев в вине против России и русского народа. Я называю это обвинение антисемитским не потому, что оно выдвигается за действия, в которых евреи не принимали участия, или их участие и роль были ничтожны, или же сами действия были безвредны. Даже если действия и участие евреев в них были пагубны, это участие, в отличие от обвинения, никогда не было *коллективно-национальным*. Во всех этих делах евреи принимали участие как индивидуумы или же члены той или иной социальной группы или общественно-политической организации, но только не *во имя или от имени еврейства или иудаизма*. Понятие "вина евреев", как объективный фактор, правомерно только в том случае, если евреи действует во вред другим народам во имя своих собственных национальных или религиозных интересов.

Но субъективно его употребление по отношению к любым неблагоприятным поступкам любых евреев, даже порвавших с еврейством, может быть оправданным, когда это делается *евреем*. Есть такие люди на свете, которые чувствуют свою сопричастность к происходящему вокруг них, или даже в мире, и ответственность за это – как свою, личную и гражданскую, так и своего народа, страны и государства. Более того, они ощущают вину за неправильные действия своего государства, правительства, страны, народа, общества и любого вообще человеческого сообщества, к которому принадлежат. Каждый человек, мне кажется, в той или иной степени, в тех или иных обстоятельствах испытывал подобные чувства. Мне, например, хорошо помнится, как остро ощутили некоторые из нас, бывших советских граждан, свою личную вину за вторжение советских танков в Прагу в августе 1968 года.

Здесь надо только иметь в виду следующее. Никто не может и не имеет права навязать другим подобное чувство вины или даже ожидать, что они разделят его с ним или хотя бы выразят сочувствие или понимание. Такое чувство вины – как совесть, как мораль – исключительно личное, индивидуальное. Но и осуждать в других его нельзя, если сам не разделяешь или даже осуждаешь его. Если есть

евреи, чувствующие свою ответственность и вину за всё то плохое, что делалось евреями, или хотя бы одним евреем, в советское время или в России, или даже во всём мире и во все времена, включая распятие Христа и слушание Бога и Моисея, перед ними можно лишь склонить голову. И они имеют полное право выражать свои чувства публично, помня при этом, что делают это как индивидуумы, а не от имени и не во имя еврейства. В любом случае, эти чувства не имеют ничего общего с тем, к чему призывал евреев Солженицын. К таким чувствам вообще нельзя призывать – никого, ни своих, ни того, с кем "вместе". Их можно лишь иметь или не иметь.

Эпизод второй – биографический

Зайдя за какой-то справкой на сайт Lenta.ru, я обнаружил там ответы Людмилы Сараскиной на вопросы читателей сайта. Из этих же материалов я узнал о ней самой, о её многолетнем сотрудничестве с Солженицыным и о её тысячестраничной биографии писателя, изданной в этом году ещё при его жизни. Само интервью удивило меня отрицательным отношением большинства читателей к Солженицыну и тем, что саму Сараскину это, похоже, совсем не удивило (мне это показало, насколько я оторван от происходящего сегодня в России). На критику читателей она отвечает спокойно и достойно, ставя им на вид, что они не знают первоисточников и фактов, пользуются недобросовестными комментариями из вторых рук и не могут привести ни одного конкретного примера лжи или других прегрешений писателя, в которых обвиняют его. Она же сама и её многочисленные коллеги-профессионалы ничего подобного в его творчестве не нашли. И заканчивает интервью Сараскина на оптимистической ноте: даже такая критика говорит о неослабевающем интересе читателя к Солженицыну.

Этот оптимизм вселяет в меня надежду, что и результат моего нового возвращения к теме "Солженицын" не будет представлять лишь профессиональный интерес для каких-нибудь уж очень дотошных солженицыноведов отдалённого будущего. Побудили же меня снова вернуться к этой теме не интервью, не вопросы читателей, не ответы и высказывания Сараскиной и не её целомудренное восприятие творчества Солженицына. Побудила её книга.

Невозможно судить о книге, не читая её, но в данном случае можно смело предположить, что она должна представлять интерес для тех, кому небезразличны жизнь и творчество писателя. Один объём её обещает обилие подробностей и фактов, в том числе, благодаря участию в ней самого Солженицына, и совершенно новых. А его участие, сотрудничество было поистине уникальным, о чём можно судить по свидетельству самой Сараскиной: "Я благодарна Судьбе за то, что она подарила мне личное знакомство и многолетнее уже сотрудничество с А. И. Солженицыным. Я невыразимо благодарна самому Александру Исаевичу за его доверие ко мне, за щедро предоставленные материалы из его личного архива, подлинные документы, которые я видела своими глазами, держала в руках, копировала, использовала. Бесценно его терпение, с каким он под магнитофон многими часами в течение длительного времени отвечал на мои вопросы, и потом ещё по телефону, и в записках, и в письмах, и снова на плёнке".

Но это беспрецедентное участие Солженицына в собственной биографии, которое, я уверен, – и знаю по ряду примеров – не было даровано ни одному другому его биографу, наверняка имело и другую сторону. Каждый, хоть мало-мальски знакомый с личностью Солженицына, знает, что это его участие в книге не могло быть пассивным, то есть сводиться лишь к ответам на вопросы. Мне, например, трудно представить, чтобы в книге Сараскиной не нашли отражения его собственные пожелания и чтобы она сама осмелилась написать о чём-нибудь существенном без его одобрения. Поэтому для исследователей жизни и творчества Солженицына эта книга может быть интересна и тем, что она несёт на себе его самые последние, из оставленных на земле, автобиографические отпечатки. Меня же она интересовала описанием одного события, которого, я знал, не могло в ней не

быть и которому я посвятил в своё время свою книгу. Это-то я и прочитал в ней, о том здесь и пойдёт сейчас речь.

Но моё новое изложение тематически является продолжением старого, а если читатель с моей книгой не знаком, то он вряд ли сможет вникнуть в суть дела. Поэтому для таких читателей я вкратце опишу это прошлое событие и некоторые его последствия.

В 1965 году послехрущёвское руководство решило приструнить интеллигенцию, переставшую к тому времени бояться и позволявшую себе всякого рода свободомыслие, самой опасной формой которого по праву считалось печатное слово. КГБ, с помощью слежки, подслушивания и стукачей, выявил наиболее опасные "антисоветские" очаги и по двум из них нанёс одновременный удар. Первый получил мировую огласку как "дело Синявского и Даниэля", а второй, не получившее никакой огласки "дело Теуша", и составляет суть вышеупомянутого события.

Вениамин Львович Теуш – профессор математики, лауреат Сталинской премии, один из первых читателей рукописного "Ивана Денисовича" и других работ Солженицына, первый признал в нём писателя и благословил его в русскую литературу, а потом – на работу над "Архипелагом". Теуш написал литературоведческую работу о Солженицыне, которая по тем временам считалась криминальной, т.е. антисоветской. Она и стала поводом демарша КГБ. К Теушу нагрянули с обыском и конфисковали машинописный экземпляр его работы, а также оказавшиеся в квартире три экземпляра "Круга", принесённые туда Солженицыным из "Нового мира" за несколько дней перед этим. Одновременно был обыск и у меня – самого близкого Теушу, после жены, человека. Кроме той же работы Теуша, у меня, в отличие от него, изъяли большое количество самиздата, причём изъятые фотографировали – подобные фотографии сопровождали разгромные статьи о разного рода "подрывных элементах" и их "антигосударственной деятельности", которые время от времени появлялись в центральных газетах, так что фотографирование в данном случае проясняло конечные цели властей. Среди изъятого оказались и архивные материалы Солженицына, которые тот хранил у Теуша, а Теуш, уезжая на всё лето из дома, передал на хранение мне.

Началось, или продолжилось, следствие, целью которого было установить авторство означенной работы (все её экземпляры были анонимны). Велось оно стандартными методами: допросы, очные ставки, вызовы свидетелей, среди которых я, по близости к Теушу, представлял для следствия особый интерес (не говоря уже о моих "антисоветских" материалах и деятельности). Но "дело Теуша" не дало властям ожидаемых результатов, и его закрыли без ощутимых административных последствий для кого-либо из нас.

Но ведь административные – не единственные и даже не худшие последствия, которые бывают в таких случаях. Худшие – это то, что происходит внутри человека, и самым пострадавшим здесь лицом оказался Солженицын. Формально "дело Теуша" его никак не коснулось, но эмоционально оно нанесло ему такой удар, от которого он едва оправился (см. его "Телёнка"). С ним произошло то, что нередко происходит с людьми в таких случаях, а в этом произошло не только с ним одним, – он перепугался и запаниковал. Мне кажется, осуждать за это Солженицына, как и любого другого человека, оказавшегося жертвой таких эмоций, не следует – не всем, не всегда и не во всех обстоятельствах по силам справиться с ними. Не следует также подразделять их на "оправданные" и "неоправданные" в зависимости от вызвавших их причин – для каждого человека его переживания и их причины одинаково реальны и оправданы. К Солженицыну же я даже испытал искреннее сочувствие, хотя и после самих событий, и, более того, выразил в своей книге понимание его такого состояния, прочитав о нём в "Телёнке". А пишу я об этом факте здесь потому, что результаты его понятных и даже простительных испуга и паники оказались довольно своеобразными и в конечном счёте далеко не безобидными: он посчитал СЕБЯ главной и даже единственной жертвой и объектом "дела Теуша", которое было лишь прикрытием для конфискации его материалов и

для атаки на него лично, а нас с Теушем – личными виновниками случившегося с НИМ.

Практически это выразилось, прежде всего, в том, что он фактически разорвал отношения с супругами Теуш, одними из самых близких и много сделавших для него людей. Когда же Солженицын описал эти события в "Телёнке", он исказил их, отрёкся от Теуша и очернил его, а меня превратил в некую подозрительную личность, сыгравшую в этом событии довольно сомнительную роль (я думаю, только опасения быть привлечённым к суду за клевету помешали ему назвать меня, как он хотел, "агентом КГБ"). На всё это я ответил своей книгой – чтобы восстановить доброе имя Теуша и "историческую правду". При этом моей целью не было лишать Солженицына лавров "главной жертвы", если он их так уж домогался, тем более что ни Теуш, ни я на подобные лавры не претендовали. Моей целью было рассказать о событиях, как они на самом деле имели место. Один из первых экземпляров книги я послал, с сопроводительным письмом, лично Солженицыну. Прочитав её, он в свои последующие автобиографические заметки внёс кое-какие изменения, особенно касательно Теуша, – в лучшую, я должен сказать, сторону. Однако это не помешало ему вылить на меня, в отместку за книгу, новые ушата грязи и клеветы.

Теперь читателю должен быть понятен мой интерес к книге Сараскиной – мне хотелось посмотреть, как всё это в ней описано. Как любой биограф или историк, описывающий событие прошлого, она должна была, прежде всего, обратиться к первоисточникам. По "делу Теуша" на сегодняшний день существует лишь два первоисточника – КГБ и я, причём в каждом имеются свидетельства как документальные, так и живые человеческие. Что касается первого документального первоисточника, то хотя Сараскина и говорит, что приводит "документы КГБ из секретных архивов, ставших ныне достоянием гласности", в её книге я не увидел ни одного по "делу Теуша". Второй документальный первоисточник (или письменное свидетельство) – мою книгу – Сараскина использует, но довольно своеобразно – об этом речь пойдёт ниже. Касательно же живых свидетелей, неизвестно, пыталась ли Сараскина воспользоваться уходящей уже возможностью разыскать и расспросить сотрудников КГБ – участников тех событий. Но зато доподлинно известно, что меня она, в отличие от КГБ, к "делу Теуша" в качестве свидетеля не привлекала.

Нет, в этом "деле" для Сараскиной, судя по её изложению, существовал лишь один перво- и последнеисточник – Солженицын. Было бы ещё полбеда, если бы он был просто единственным источником, но фактов. А ведь он здесь являлся источником не фактов, а мнения о них, причём довольно предвзятого и одностороннего. Таким образом, Сараскина, сделав этот пристрастный выбор, роковой для исследователя, оказалась в буквальном смысле слова во власти Солженицына, ибо она действительно ничего не знала – потому что не захотела знать – о названном событии, кроме того, что он ей сказал о нём. Так кем же, в сущности, написан "Теушевский эпизод"? Какими бы ни были на этот счёт догадки, предположения или факты, автором текста мы должны считать того, кто поставил под ним своё имя – Сараскину. В конечном счете, право автора выбирать для своего биографического повествования источники по своему вкусу и разумению. Читателю вообще может не быть до них дела. Но читателю, особенно если он ещё был и участником и свидетелем описываемых событий, не может не быть дела хотя бы до одного – до правдивости их описания. С этим-то я и приступил к чтению соответствующих пассажей книги Сараскиной.

*

*

*

Мне отрадно было читать то, что было написано теперь о Теушах и о взаимоотношениях с ними, но одно место не могло не вызвать у меня улыбки: Теуш, передавая Солженицыну свои впечатления о его повести, "был тронут мягкостью Ивана Денисовича (и автора!) к Цезарю Марковичу". Можно смело предположить, что Сараскина при этом разговоре не присутствовала и что Теуш ей его не пересказывал. Придумал ли Солженицын эти сантименты или запомнил, суть в том,

что "уходя от нас", он захотел оставить по себе такой вот отзыв (и с восклицательным знаком при этом!). Простим ему эту невинную слабость, особенно в свете обвинений его, в том числе и с моей стороны, в антисемитизме. (Я вспомнил и о другой его слабости, такой же невинной и так же вызвавшей в своё время улыбку, но не мою только. Ничего не подозревавшая Сараскина переписала её из "Телёнка": "Лето 1973-го было временем потерь... В середине лета приезжал Синявский знакомиться-прощаться". Синявский прокомментировал мне это с улыбкой: "Но ведь это он сам пригласил меня приехать!")

Одна маленькая неувязка получилась у Сараскиной с супругами Теуш. Называть их этой фамилией вместе, как супружескую пару, можно, конечно, но жену отдельно нельзя – у неё была другая фамилия. Что касается меня, то и здесь тон повествования стал совершенно другим, т.е. – как и должно было быть с самого начала – нейтральным. Я просто был назван по своим паспортным данным – ФИО, а также по своей принадлежности к событиям – другом Теуша.

Но вот я перехожу в своём чтении от общего описания людей и их отношений к конкретным событиям и фактам, и картина полностью меняется. Тут начинается то, что побудило меня столько лет назад написать "Необходимый разговор", – ложь. Мелкая и большая, бессмысленная и целенаправленная, глупая и продуманная, но ложь. Она мне была уже хорошо знакома, как, разумеется, и факты, которым она противоречит, и потому в книге Сараскиной сразу же бросилась в глаза.

В своих ответах читателям Lenta.ru Сараскина негодовала на обвинения Солженицына некоторыми из них во лжи и бросала обвинителям вызов – привести хоть один пример. Не знаю, были ли у этих читателей конкретные примеры, но если Сараскина утверждает, что таких примеров вообще нет или она с ними не знакома, то она, конечно же, лукавит – уж в мою книгу она заглядывала. Но не о Солженицыне сейчас речь – давайте посмотрим, как обстоят дела с правдой в книге самой Сараскиной. Я предлагаю сделать это следующим образом: разбирая какой-либо конкретный пассаж, я буду предоставлять слово Сараскиной, выделяя её цитаты курсивом, а отвечать буду либо тоже цитатами, либо комментариями. В любом случае читатель будет иметь возможность составить собственное мнение, сверившись, если нужно, с источниками, на которые я ссылаюсь.

Итак, год 1965. В начале лета, перед отъездом на длительный отдых, Теуш отдал мне на хранение различные материалы, в том числе архив Солженицына. В конце лета уехал отдыхать и я, а когда вернулся, в тот же день, 11 сентября, у меня и у Теуша был произведён одновременный обыск. Я об этом пишу подробно в своей книге. Теперь Сараскина: *"...опасность он (Солженицын – И.З.) почуял еще в начале лета, когда понял, что московский тыл — комната Теушей в коммунальной квартире с соседом при погонах — крайне ненадёжен, а сами Теуши — крайне неосторожны"*.

Ложь. Никакой опасности он не почуял и ничего понять не мог по той простой причине, что в то время нечего было "чуять" и "понимать". Сосед – *"при погонах"*? Вот бы Теуш удивился! Я много раз видел этого типа, но ни разу – в форме. Что это – ненужная фантазия или "из секретных архивов"? Как бы то ни было, о соседе Теуш говорил только со мной, а сам Солженицын узнал о нём из моей книги в 1976 году.

Что значит *"Теуши — крайне неосторожны"*? В чём это конкретно выражалось у каждого из них по отношению к Солженицыну? Этой фразой вину за конфискацию его архива Сараскина косвенным образом взваливает и на жену Теуша (в первоначальном солженицынском обвинении Теуш делил её со мной). Подробный ответ на это я даю в своей книге, а сейчас ограничусь лишь короткой цитатой из неё: "Но В.Л. как раз оказался гораздо более бдительным и благоразумным, чем многие другие".

Снова Сараскина: *"Вениамин Львович брался писать смелые статьи об Иване Денисовиче", пускал их в самиздат, и теперь выяснялось, что по бесконтрольности одна из них залетела слишком высоко"*.

"Брался писать" – как это неуважительно! И не *"статьи"* он собирался писать и писал, а статью, которую к тому времени давно уже написал, и не *"смелую"*, а

литературоведческую. Что же касается остальной части цитируемого предложения, то мне приходится отвечать на него целым абзацем из своей книги (давно известно, что ложь или клевета может обойтись и одним словом, а вот ответ требует многих): "Когда же В.Л. завершил, наконец, свою работу о духовной миссии писателя, он дал её на прочтение очень ограниченному кругу (ему хотелось бы пошире, да он вынужден был считаться с желанием семьи, которое выразилось в недвусмысленном "нет"). Каждый экземпляр (их было пять) был на учёте и после каждого читательского тура возвращался к автору. Однако, каким-то образом всё же произошла "утечка", и до нас стали доходить отзывы из мест, куда работа, по нашим соображениям, вроде бы никак не могла попасть. В.Л. радовался, жена его тревожилась. Уж если нельзя было пустить работу в самиздат, то В.Л. хотел, по крайней мере, показать её некоторым авторитетным специалистам, мнение которых его интересовало. Но это требовало времени, путь даже к людям с табличкой на двери был непрямым".

Продолжаю цитировать Сараскину: *"Это был сигнал тревоги, так что архив А. И. тут же перенёс к новым друзьям... По недосмотру Теуша часть рукописей, лежавших отдельно, осталась в комнате. Обнаружив опасные улики, он сложил их в пакет и отдал — без ведома и спроса — на всё лето своему другу Илье Иосифовичу Зильбербергу и забыл о том напрочь"*.

Здесь такое нагромождение лжи, которой не было даже в "Телёнке". Опровергнуть эту ложь очень просто, но на этот раз я не могу себе этого позволить — мне пришлось бы перегрузить данный текст большими кусками из своей книги. Поэтому интересующемуся читателю придётся самому обратиться к этому источнику. Но новая ложь требует нового опровержения. Прежде всего, никакого *"сигнала тревоги"* за архив и в помине не было, и Солженицын забрал часть его совсем по другой причине. Я говорю о ней в книге, и Солженицын не опроверг её, т.е. признал её за факт. Но Сараскина решила переписать историю, даже эту маленькую и простую, превратив её в многоактовый вымысел.

О первом акте, "сигнале тревоги", я уже говорил. Во втором Теуш разделил архив Солженицына на две части. Спрашивается — зачем? Зачем бы ему понадобилось усложнять себе жизнь? Знает ли современный российский читатель, что такое одна комната в коммунальной квартире, как надо умудриться расположить в ней, используя каждый уголок, все свои пожитки — и помнить, где что находится? А что такое книжный шкаф в такой комнате, который таковым называется номинально, поскольку книгам и прочим бумагам там может быть отведено лишь пару полок, а остальные заняты всяким семейным скарбом? Не только не было и никому не могло придти в голову какое-то разделение папки с бумагами Солженицына (я всегда их видел только в одной), но и его практическое осуществление в тех условиях было бы связано с ненужными осложнениями.

Акт третий: Теуш "по недосмотру" не отдаёт Солженицыну часть его архива. Оставим его пока без комментариев. Четвёртый: Теуш позже обнаруживает эти бумаги, которые тут же, ни с того ни с сего, превращаются — это уже акт пятый — в *"опасные улики"*. Но кого же и перед кем эти давно хранившиеся и много раз читанные бумаги вдруг стали *"опасно уличать"*? Судя по повествованию — Теуша перед Солженицыным, потому-то и возникает шестой акт: вместо того чтобы — как и положено любому порядочному человеку в такой ситуации — вернуть обнаруженные бумаги владельцу, Теуш поступает как нашкодивший и трусивший мальчишка: *"без ведома и спроса"*, втихоря (прошу прощения за вульгаризм), сбегивает их кому-то другому, т.е. мне. Но сбегивает как-то странно — *"на всё лето"* (оказывается, хранение бумаг, как и овощей, тоже может быть сезонным). Зато заключительный, седьмой акт вполне логичен для такого поведения: *"и забыл о том напрочь"*.

Какой срок отвёл бы читатель под понятие "забыть напрочь"? Мог бы он припомнить какие-нибудь примеры — из жизни, рассказов, книг, — к которым подходило бы это выражение? Я приведу один — юмористический, чтобы как-то разбавить своё не очень весёлое повествование. Это английский анекдот, который я услышал, между прочим, много лет назад в России. Умирает муж, у постели которого

сидит его верная жена. И вот перед смертью он хочет знать всю правду – изменяла ли она ему когда-нибудь? "Ну что ты, дорогой! – восклицает жена. – Конечно же нет!" "А помнишь, – продолжает муж слабым голосом, – как однажды, двадцать лет назад, я пришёл раньше с работы, а ты открыла мне дверь на три минуты позже обычного?" Жена ахает, вскакивает со стула, бежит к потайному сейфу, распаховывает его, а оттуда вываливается скелет.

Я думаю, читатель согласится, что двадцать лет – хороший срок для выражения "забыть напрочь". Но не будем очень строги к Сараскиной и согласимся на меньший, даже на самый минимальный, каким его можно вообразить в данной ситуации. Ну, а каким он был на самом деле? Вот мы встречаемся с Теушем после лета, начинается, как всегда, интенсивное общение – визиты, разговоры, обсуждения, а об архиве ни он, ни я – ни гу-гу! Так сколько времени такого "ни гу-гу" отвёл бы нам читатель, прежде чем мог бы сказать с чистым сердцем, что Теуш – мы оба! – об архиве "забыли напрочь"? Год, месяц, неделя? Нет, дорогой читатель, не было даже дня, даже минуты, даже секунды! Когда, после того как Теуш отдал мне на хранение архив Солженицына, мы с ним встретились вновь в день моего возвращения в Москву и обыска у нас обоих, архив уже был конфискован КГБ, о чём я ему тут же и сообщил. Так что нечего было ни ему, ни мне вспоминать или забывать, тем более "напрочь". Придуманной нашей писательницей седьмой акт – акт абсурда, где время течёт в обратную сторону и события происходят до того, как они происходят.

А теперь вернёмся к третьему акту, где *"по недосмотру Теуша часть рукописей, лежавших отдельно, осталась в комнате"*. Здесь наша выдумщица упустила добавить ещё несколько актов, но посвящённых другому герою повествования – Солженицыну. Действительно, если *"часть рукописей осталась в комнате"*, то почему же *"по недосмотру Теуша"*? А Солженицын-то где в это время был – по нужде, извините, отлучился? Ведь он зачем-то к Теушу пришёл, что-то срочно хотел у него забрать и надёжно перепрятать – что-то настолько важное, что от конфискации этого какое-то время спустя чуть не получил апоплексический удар! Но он даже не удосужился на это взглянуть – ни когда забирал, ни когда принёс к себе, ни когда отдавал на новое хранение! Ничего себе конспиратор, у которого, как казалось, на учёте каждая тайно хранимая годами строчка!

Вот такой ненужной и примитивной ложью Сараскина превратила своего кумира (не говоря уже о Теуше) в болтуна и растяпу, у которого правая рука не знает, что делает левая. Хуже того: если Солженицын считал квартиру Теуша настолько ненадёжной, что забрал оттуда свой архив, что же он понёс туда на хранение "Круг"? Но и это ещё не всё: услужливая и бессмысленная ложь Сараскиной противоречит не только фактам, но и тому, что сам Солженицын сказал в "Телёнке": "основную часть похоронок, всё сокровище, я недавно оттуда забрал, осталось же второстепенное, полуоткрытое". И осталось, как бы Солженицын не менял свои оценки оставшегося, не *"по недосмотру Теуша"*, а по его собственному решению.

Дальнейшее уже можно посчитать мелочью, но здесь важен каждый кирпичик, из которых возводится здание лжи. Вот как совершенно невинное, само по себе, событие прошлого – Солженицын забирает "Круг" из "Нового мира" – превращается задним числом в драму, в детектив: *"7 сентября автор забрал все четыре экземпляра романа, три отнес Теушу (а тот уже засвечен!!), четвёртый — в "Правду"*. Как зловеще это звучит – *"засвечен!!"*, да ещё с двумя восклицательными знаками! Не говоря о том, что о "засветке" Теуша стало известно только позже, чем же "засвеченная" квартира Теуша была опаснее редакций "Нового мира" и "Правды" для романа, названного Солженицыным, "открытой вещью, подготовленной к печатанию"? А вот как он сам поступает с романом вскоре после конфискации его у Теуша: "Я догадался отдать его в официальный литературный архив — ЦГАЛИ".

Сараскина продолжает: *"почувствуй он слезку,.. не принёс бы Теушу из "Нового мира" три экземпляра "Круга"*. А в "Правду" – всё равно бы принёс? Ну и логика! И снова о квартире Теуша: *"летом 1965-го там уже ощущался риск"*. Кем?

"Соседом при погонах"? Ведь летом 1965-го Теуша вообще не было в Москве! А вот что та же Сараскина пишет о том же лете в других местах: *"Лето перед разгромом казалось мирным и безмятежным: колесо фортуны крутилось медленно", "И действительно, остаток лета выдался спокойным", "Позже окажется, что августовский покой был видимостью, миражом"*.

Поразительно, что при описании даже таких фактов, где Сараскина могла получить информацию только от меня или из моей книги, или, в ряде случаев, из архивов КГБ, она пользовалась либо указаниями Солженицына, либо собственной фантазией. Вот она пишет об обыске у Теуша: *"Теушу заявили, что изымут статью "О художественной миссии А. И. Солженицына", подписанную псевдонимом Д. Благов"*. А парой строк ниже, в том же абзаце: *"На допросах Теушу объяснят, что у некоего иностранца при выезде из СССР обнаружена подозрительная анонимная рукопись"*. Так псевдоним или аноним? – это всё-таки не одно и то же! Как Сараскина могла чуть ли не в одном предложении представить две взаимоисключающие версии – об этом следует спросить её саму. Я могу лишь сказать, что в книге рассказал и о том, как этот псевдоним появился – за границей, два года спустя после описываемых событий, и как мы узнали о нём ещё через год. Вот как, оказывается, всё просто, когда знаешь факты. Неужели вместо того, чтобы опираться на первоисточники и придерживаться фактов, предпочтительней фантазировать и лгать, попадая тем самым впросак и выставляя себя на посмешище перед читателями и коллегами?

А ведь писателю надо знать описываемые факты, относящиеся не только к событиям. Вот Сараскина, ссылаясь на отобранные у меня при обыске "Евангелие от Луки", "Евангелие от Матфея" и "Несвоевременные мысли" Горького, со знанием дела и намерений КГБ, авторитетно заявляет: *"Разумеется, евангелисты и пролетарские писатели следствие не интересовали"*. Прочитай она протокол обыска, приведённый в моей книге, более внимательно (а не только то, что там говорится об архиве Солженицына), она бы увидела, что одно Евангелие составляет 176 машинописных листов, а другое – 227. Загляните, читатель, в Библию, если она у вас под рукой, и посмотрите, какого объёма там эти произведения. Вы увидите, что взятые у меня Евангелия в несколько раз превосходят по объёму библейские. КГБ, положим, такое несоответствие могло не интересовать, но у Сараскиной, человека культурного и, возможно, верующего, оно могло бы хоть вызвать любопытство! А любопытство могло привести к интересу, интерес – к поиску, поиск – к знанию, и тут бы Сараскиной стало неловко за невежественное употребление в данном случае слова "евангелисты". А как исследователь недавнего прошлого своей страны, неужели она не знает, что "Несвоевременные мысли" принадлежали к категории книг, за которые в то время давали сроки?

Сараскина ссылается не только на мои материалы, но и на меня – и не раз: Зильберберг "вспоминал", "назвал", "полагал", протокол обыска "опубликовал", сопровождая это цитатами. Но при этом не говорит читателю, где я совершал все эти действия и откуда взяты цитаты. Такое намеренное умолчание является одной их форм полуправды, а для творческого работника – высшей степенью недобросовестности и неуважения к читателю. То же делал и Солженицын в своей, в частности, еврейской истории. Указав источники большинства документов, некоторые он обходил молчанием. Так он поступил и с моей книгой, когда решил кое-что из неё позаимствовать, исказив при этом, по своему обыкновению, правду и смысл моих слов. Сараскина такого искажения не делает, хотя цитирует меня очень и очень выборочно. Но доктор наук не может не знать правила, обязательного для каждого исследователя и не подлежащего отмене даже Солженицыным: пользуешься свидетельством или документом – укажи источник, тем более, если ссылаешься на него, и особенно – если цитируешь.

"Дело Теуша", как каждое событие, состояло из множества деталей, и некоторые нашли отражение в моей книге. Но далеко не все они устраивали Солженицына, поэтому теперь они подлежали переделке. Так, я писал в книге, что жена Теуша считала конфискацию у них "Круга" случайной и подробно объяснила

мне это сразу же после обыска (а потом объясняла и другим). Но для Солженицына это было неприемлемо – ни тогда, ни сорок три года спустя: он считал конфискацию романа главной целью обыска у Теуша. И вот теперь Сараскина пишет: *"версию "случайного" захвата романа наивно разделяли и сами Теуши"*. Давайте посмотрим, что стоит за этой коротенькой и довольно невинной, на первый взгляд, фразой. Взяв "случайность" в кавычки и скрестив её с "наивностью", она тем самым пытается дезавуировать эту версию. А написав, что Теуши лишь "разделяли" чью-то версию, и не указав, чью именно, Сараскина лишает её автора, делает анонимной. У настоящего автора этой версии были веские доводы в её пользу, и чтобы их опровергнуть, нужны контрдоводы, основанные на фактах. Но их ни у Солженицына, ни у Сараскиной не было, потому-то она и пошла на очередную нелепость – лишила версию автора. Да не лучше бы было вообще промолчать о ней? Нет, этого делать было нельзя: версия, как-никак, зафиксирована в моей книге, кто-то может в неё поверить, а это недопустимо. Но вот что поразительно: единственным источником правды, а не каких-то там версий, в этом вопросе являются *"секретные архивы, ставшие ныне достоянием гласности"* – и вот их-то Солженицын с Сараскиной отказались привести!

Не приведя ни одного из них, Сараскина самоуверенно и тенденциозно рассуждает о намерениях и действиях КГБ, чуть ли не говорит от имени этой организации. *"Можно уверенно утверждать"* – вот формула и лейтмотив её доводов и доказательств. А вот и примеры: *"Слухачи быстро поняли, что Теуш их интересуется в третью очередь"*; о конфискованных у меня экземплярах статьи Теуша – обратите внимание на выделенные Сараскиной слова: *"явно НЕ ОНИ были целью охоты"*; уже частично цитированный пассаж: *"Разумеется, евангелисты и пролетарские писатели следствие не интересовали, но здесь находилось и то, что искали и нашли сыщики — архив Солженицына"*; *"Улов, взятый на квартире Зильберберга, впечатлял"* – и дальше перечень солженицынских бумаг; *"Вместе с "Кругом" и "Пиром Победителей" творчество Солженицына представало в таком свете, что интерес к хранителям его архива тут же угас"*; *"Несомненно, госбезопасность интересовали не Теуш и не Зильберберг"*; *"Меж тем на Лубянке сопоставили высказывания под потолком с рукописями из архива и сделали недвусмысленные выводы"*.

А вот ещё один интересный пассаж, с моим участием: *"Была задумана широкая антисамиздатовская и антидиссидентская кампания"*, — полагал Зильберберг, однако документы свидетельствуют о более локальном намерении". Ага, значит есть всё-таки документы, и сейчас мы увидим по крайней мере один из них! Увидели, всё того же производства – Сараскиной: *"Следить за писателем, едва не ставшим лауреатом Ленинской премии, стало делом государственной важности"*. Но я благодарен Сараскиной за то, что отвергнув сначала моё видение событий в стране, она его, в конце концов, авторитетно подтверждает: *"Готовился поворот к сталинизму с зажимом идеологии, возвратом к поиску "врагов народа", наступлением на литературу. Аппаратное наступление, которое в августе возглавил Шелепин ("железный Шурик"), сопутствуй ему успех, неминуемо обрело бы репрессивный уклон. Первым шагом этой кампании был арест Синявского и Даниэля в начале сентября 1965-го; в плане была еще "тысяча интеллигентов"*.

А со следствием, целью которого было установить авторство конфискованной рукописи Теуша, Сараскина снова попала впросак: *"Это была уловка: личность автора рукописи была Лубянке давно известна"*. В чём же эта уловка состояла? Прочла бы Сараскина если и не "секретные архивы", то хотя бы то, что я написал о следствии! Конечно *"личность автора рукописи была Лубянке давно известна"*, там этого не только не скрывали, а, наоборот, использовали этот факт как средство давления на нас, чтобы вынудить к признанию.

И, наконец, последняя цитата Сараскиной, которую я выделяю особо, поскольку в ней содержится ссылка, но без указания источника, конечно, на единственный, на сегодняшний день, гласный документ по "делу Теуша" –

приведённый в моей книге протокол обыска у меня: *"Протокол выразительно запечатлел торжество искателей: найдя конверт коричневого цвета, всё остальное сыщики сложили в кучу — машинописные листы вместе с записями от руки пошли, что называется, на вес"*. Другими словами, целью обыска был исключительно архив Солженицына (в коричневом конверте), и как только его нашли, не было смысла продолжать обыск, всё остальное уже не представляло никакого интереса, и его, как макулатуру, сложили *"в кучу — на вес"*. На продажу, что ли?

А вот как это было на самом деле – цитата из моей книги: "А обыск затягивался. Визитёры успели просмотреть и занести в протокол лишь часть интересующих их материалов, и было ясно, что для завершения этой работы потребуется ещё несколько часов. После телефонных переговоров с "центром" мне объявили, что обыск прекращают ввиду позднего часа (было 10 часов), мои материалы забирают с собой (незапротоколированные опечатали в три пакета), а меня, ввиду отказа отвечать на вопросы, просят тоже поехать для дачи объяснений по изъятым у меня материалам".

А вот что *"выразительно запечатлел"* протокол по поводу "макулатурной кучи": "Перечисленное в пункте No.11 опечатано гербовой печатью No.5 Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР в три свёртка". Таким образом, самоуверенная и услужливая ложь Сараскиной является в данном случае настоящим подлогом, фальсификацией документа. На этой печальной констатации я и остановлюсь – пора подводить итоги.

*

*

*

Когда я писал эти заметки, мне вдруг представилось, что какой-нибудь непредвзятый читатель, или даже почитатель Солженицына, или же просто вдумчивый человек, может обратиться ко мне с таким вопросом: "Вот вы пишете о том, что Солженицын лгал в своих произведениях и незаслуженно чернил своим пером других людей. Но зачем ему надо было это делать, что он хотел или мог этим достичь – он, достигший мировой славы и осуществивший – своим трудом, талантом и *правдой* – чуть ли не больше кого-либо другого в XX веке?"

Я не знаю, возник ли или возникнет у кого-либо на самом деле такой вопрос. Но у меня, от имени какого-то неведомого читателя, он возник. И я попытался ответить на него, и ответил, и этот ответ составил значительный пассаж в данном рассмотрении. Но я его выкинул, ибо вдруг увидел и понял со всей очевидностью, что не моё это дело – заниматься такими вещами. И тема "Солженицын" существует для меня теперь лишь номинально, а не в связи с ним как с живым – своими произведениями – человеком.

А реально в данном случае для меня существует другой человек – живой и деятельный, виновник моего нового возвращения к старой теме – Сараскина. Я очень огорчён тем, чем она вернула меня к этой теме, и высказал всё, что думаю об этом со всей ясностью и, может быть, даже с чрезмерной резкостью. Но ведь она сама выступила публично, это ведь она написала о близких мне людях, обо мне, о немаловажном в моей жизни событии. Ведь это она всё здесь искадила и бросила тень на достойных людей, которых уже нет в живых, и при этом ввела в заблуждение читателей. Намеренно? Не думаю. Почему же тогда? Этого я не знаю. Но я немножко знаю, или понимаю, или догадываюсь о том, что здесь произошло, по крайней мере, частично.

Я говорил в начале, что мне трудно представить "пассивное" участие Солженицына в этой своей биографии. Но то, что я прочитал в ней, свидетельствует не просто об участии или сотрудничестве, а о *соавторстве*. Не о таком, когда два автора сидят рядом и работают над одним текстом, а когда один делает замыслы другого своими и воплощает их. Свои замыслы – изобразить себя основной жертвой и объектом "дела Теуша", а Теуша и других – виновниками его бед, – Солженицын осуществил в "Телёнке". Сараскина же осуществила их в своей книге.

Но может быть эти замыслы отражали действительность или, по крайней мере, Сараскина искренне верила в это? Нет, это не так, что я и постарался показать. Но увидит ли это Сараскина, если мой текст попадётся ей на глаза? Этого я тоже не знаю, потому что не знаю её саму. Знаю, по её рассказу, о том, кем был для неё Солженицын и какое место занимал в её жизни. И, я думаю, продолжает быть и занимать. Догадываюсь о её любви и преданности Солженицыну, о верности его памяти. Всё это замечательные чувства, и их не каждому даётся пережить. Но они также таят в себе опасность – раствориться в объекте своего почитания, потерять себя и какие-то важные в жизни ориентиры. Мне кажется, что-то подобное произошло в данном случае с Сараскиной.

Обычно такие вещи происходят на личном уровне, и тогда они никого не касаются. Но здесь это вылилось наружу, стало общественным событием. Не могло не вылиться, поскольку Сараскина-писательница решила предать свои мысли и чувства об объекте своего почитания гласности, оформив их в его биографию. Ничего предосудительного в этом нет. Некоторые считают, что биографии должны быть беспристрастны и объективны и "нейтральны" в своём отношении к герою повествования. Но я не думаю, что только такие биографии представляют ценность и имеют право на существование. Нет, в литературе, в жизни есть место и для других биографий – написанных с жаром сердца и с ярко выраженным отношением к герою, будь оно положительным или отрицательным.

Когда пишешь о другом человеке – и я говорю это на основании личного опыта, ибо писал и пишу о других людях, – когда пишешь о другом человеке, уважаемом и почитаемом тобой или порицаемом и даже презираемом, есть два обязательных критерия, две путеводные звезды, которые должны вести тебя на всём протяжении пути – понимание и правдивость. Без этого написанное тобой превращается в чтиво, которое может быть интересным и информативным, но лишённым того, что – по Гёте – делает нас лучше.

А закончить мне хочется надеждой. Я не знаю, что Сараскина почувствует и подумает, если прочтёт мои заметки, не знаю, как поступит. Я знаю, что ей будет нелегко, но мне очень бы хотелось – ради неё самой, в том числе, – чтобы её реакция была не такой, как у героя её жизни и повествования после прочтения им моей книги. Как бы хотелось, чтобы у неё достало понимания, желания и мужества исправить кривду на правду!